

Любовь до белого каления

Арина
Ларина

комедийный любовный роман

Арина Ларина

Любовь до белого каления

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161337

Ларина А. Любовь до белого каления: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-20327-7

Аннотация

Новый начальник был хорош, новый начальник был пригож. Новый начальник обратил внимание именно на нее, Таню – давно разведенную женщину с ребенком. Ковровая дорожка, ведущая к ЗАГСу, сама раскатывалась перед влюбленными. И вдруг – облом! Юная секретарша с внешностью Барби имела свои виды на красавца-шефа, а потому... в ЗАГС с ним отправилась именно она. Что делать Тане: проклинать непостижимую мужскую логику, впадать в прострацию или быстро искать замену жениху? Однако она нашла совершенно сногшибательный выход...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Арина Ларина

Любовь до белого каления

Часть первая

Глава 1

Никогда у нее не будет первого поцелуя, первого свидания, свадьбы в белом платье. А еще она никогда не сможет по полной оторваться в клубе, пройтись жарким летним днем в мини-юбке, чтобы мужики сворачивали шеи и восхищенно цокали вслед, никогда не станет знаменитой, богатой и успешной. И еще сотня отвратительных «никогда», похожих на несправедливый приговор подкупленного судьи.

Если бы все это озвучил кто-нибудь из подруг, Татьяна непременно диагностировала бы первые признаки депрессии и посоветовала покопаться в возможных перспективах. Кроме «никогда», существовало еще допущение «когда-нибудь». Любая одинокая женщина второй свежести вполне могла когда-нибудь встретить мужчину своей мечты, выйти замуж не в белом, который ее полнит или оттеняет нездоровый цвет лица, а в чем-нибудь веселеньком. И даже весьма вероятно, что эта самая не сильно молодая, но вполне еще

«ничего себе» дама когда-нибудь накопит денег и смелости на омолаживающие процедуры, подтяжку груди, новый гардероб, а может, и соберет в кулак силу воли, чтобы поистязать себя шейпингом. Только сначала надо оплатить весь курс занятий – таким образом сила воли будет подкреплена материальной заинтересованностью. Давать советы легко, намного сложнее им следовать.

Татьяна мыла жирные тарелки, давась вдруг накотившей острой жалостью к самой себе, и вполуха слушала очередную модную песенку, льющуюся из телевизора параллельно с шумом бегущей из крана воды. Экран не был виден, да это и к лучшему. Она знала, что сейчас там, в спящих разноцветных лучах, задорно отплясывают молодые, холеные девушки с ровными голыми ногами и блестящими глазками. У нее никогда уже не будет таких юных горящих глаз... Занудное «никогда» недотравленным тараканом снова лезло из сознания, чтобы испортить настроение.

– Ма-ам, – в кухню заглянула Карина. – Я схожу к Ленке?

– К Ленке? – Татьяна попыталась сосредоточиться. – Сходи. Только недолго.

– Ага. – Дочь с радостным топотом понеслась в прихожую и зашуршала курткой. Что-то грохнуло, скрипнуло, и двери захлопнулись, прощально лязгнув замком.

– Наступивший четыре месяца назад двухтысячный год опроверг теории о конце света, глобальном крушении компьютерной Сети и непобедимости группы «Шнурки», кото-

рая скатилась на самые последние строки нашего хит-парада и едва не вылетела из десятки сильнейших! – вихлялся на экране дикого вида мальчик в драной футболке и с копной косичек на продолговатом черепе. – А пока слушаем их старую песню «Мать не пускает гулять».

– Полная деградация, – пробормотала Таня и отвернулась. Музыкальные хит-парады она любила, но ведущие, выкрикивающие с экрана малопонятные комментарии и утрировавшие владение молодежным сленгом, всегда мешали. Ей было неудобно и за них, и за их родителей, и за себя – зачем прислушивается к бестолковой трепотне?

Невнятная смутная мысль мешала Татьяне вернуться на волну сочувствия к самой себе. По кухне раскатились мелодичные переливы телефонного звонка, и она, торопливо обтерев руки о фартук, схватила трубку.

– Привет! – На том конце провода радовалась жизни Наташка Ведеркина. У Ведеркиной колебания настроения шли по синусоиде. Она то пугала любимую подругу хриплыми отчаянными рыданиями и констатацией печального факта, что жизнь кончена, то излучала бескрайний оптимизм и почти физическое ощущение счастья. Наталья вообще любила и умела делиться собственными эмоциями, поэтому в случае ее упаднического душевного состояния Татьяне всегда было обеспечено плохое настроение.

– А, это ты... – Таня еще раз поочередно вытерла руки об себя, с удивлением прислушиваясь к растущему внутри

разочарованию.

– А уж я-то как рада тебя слышать, – слегка обиделась чуткая Ведеркина. – И здоровье мое хорошее, и жизнь бьет ключом. Спасибо, что спросила.

– Пожалуйста.

Разговор не клеился.

– Я сейчас оскорблюсь насмерть, – предупредила подруга на всякий случай. Она явно чего-то ждала, но звонок был настолько некстати, что Татьяна никак не могла взять себя в руки и хотя бы из вежливости поддержать беседу. И уход дочки оставил некое смутное беспокойство, и мысленное обмусоливание всяких «никогда» настраивало на упаднический лад, и звонок... Конечно, стыдно себе признаться и уж тем более стыдно признаваться Ведеркиной: Татьяна ждала, что позвонит он...

– Слушай, Аникеева, ты ничего узнать у меня не хочешь? – ехидно намекнула Наталья.

– Так я жду, когда сама скажешь, – вывернулась Таня. – Вдруг тебе на эту тему говорить не хочется.

Она вдруг вспомнила, что у Ведеркиной должно было произойти какое-то судьбоносное событие, но с чем оно связано, хоть убей – не вспомнить.

– Он проводил до дома и взял у меня телефон! – объявила Наталья голосом диктора военных времен, вещающего о наступлении по всем фронтам и взятии городов.

В голове щелкнул выключатель. Точно! Наташка собира-

лась знакомиться по объявлению.

Глава 2

Дружба Тани Аникеевой и Наташи Ведеркиной началась так давно, что казалось, они всю жизнь были вместе. Песочница, общие формочки и отсутствие велосипеда «как у Кольки» иногда может сблизить людей сильнее, чем кровные узы. Сначала девочки вместе ненавидели ябеду Кольку, потом, в школьные годы, так же вместе в него влюбились. Николай из счастливого обладателя зеленого четырехколесного велосипедика как-то незаметно превратился в звезду школы. «Звезда» была старше подружек на полтора года, и эта разница оказалась критической. Николай даже не смотрел в их сторону, а подруги тихо страдали, вели общий дневник и даже пытались в соавторстве сочинять в честь возлюбленного корявенькие стишки. Возомнивший о себе невесть что Колька доверия девушек не оправдал и предпочел им чрезмерно общительную девицу из своего класса. О ее коммуникабельности по школе ходили легенды, пересказываемые шепотом и обрастающие чудовищно неприличными подробностями.

– Мы себе получше найдем, – неуверенно хорохорилась Ведеркина.

Более дальновидная Татьяна даже такому повороту событий обрадовалась, поскольку интуиция подсказывала, что лучше любить разных, чтобы потом из-за них не перессориться.

Глупые и наивные девочки начали превращаться в девушек, только у Татьяны росла грудь, а у Натальи попа. Врут глянецовые журналы, пугающие женщин статистикой мужских предпочтений и навязывающие всякую ерунду для увеличения, сжигания и подтягивания якобы неудобных сильному полу частей тела. Каждой женщине не нужны ни тысяча, ни даже сто опрошенных в «избранном целевом сегменте». Женщине нужен всего лишь один, а посему нашелся любитель и на Татьянину невероятную грудь, и на ведеркинский бескрайний тыл, хотя обеим казалось, что их дефекты несовместимы с жизнью. Особенно остро все переживается в сравнении, поэтому худая до изможденности Таня ела булку и завидовала Натальиной пышности, а Ведеркина морила себя диетами и отрачивала бюст по сомнительным методикам, приобретенным на лотках.

Первой кавалера нашла Таня.

– Ну, конечно, – вздыхала Наташка с завистью в голосе. Чувство было, безусловно, постыдным, но справиться с собой было сложно. – У тебя вон какая красотища разбухла. Мужикам только это и надо. А у меня мясо растет во всех местах, кроме главных. Кому я нужна!

Татьяна стеснялась своего везения: Наталью было жалко, поэтому она лишь молча виновато вздыхала. Поворот в судьбе произошел внезапно и совершенно неожиданно, несмотря на то, что Татьяна уже давно морально была готова к появ-

лению в своей жизни любимого мужчины. Именно для этого они и ходили с Ведеркиной на дискотеку в Дом культуры, как на работу. В окружающей действительности наблюдалась странная тенденция: сильный пол различного возраста, благосостояния и физической комплектации имелся в избытке, но мужчины либо уже были заняты, либо не обращали на них внимания, либо имели недостатки, с которыми ни одна уважающая себя девушка примириться не могла. Кто-то пил, кто-то норовил залезть под любую юбку, кто-то имел невероятно низкий интеллектуальный уровень. В общем, как у большинства молодых барышень, у подруг имелось обилие завышенных требований к мужчинам и абсолютное отсутствие в реальности нужного типажа из снов и фантазий.

В тот раз ничто не предвещало роковой встречи. Девушки старательно попрыгали в общей толпе, постреляли в темноте глазами и послушно отхлынули к стене при первых звуках медленного танца.

Подруги уже настолько привыкли возвращаться домой без кавалеров, что дискотека стала неким дежурным ритуалом, после которого можно было обсудить более везучих соперниц и недалёковидных мужчин, не замечающих счастья прямо у себя под носом. Поэтому, когда Таню неожиданно пригласил приличного вида молодой человек, она удивилась так, словно пришла в ДК не на танцы, а за картошкой. Юношу звали Володей.

– У него китайцев в роду не было? – допытывалась на

следующий день Наталья, тактично отошедшая накануне в тень и пристально высматривавшая оттуда недостатки нового знакомого.

Конечно, никаких китайцев у приехавшего из Казахстана Вовы в роду не было, но Таня тогда почему-то обиделась. Ее тоже немного смущал его разрез глаз, но Володя был настолько хорош собой, что это его нисколько не портило.

– Что за шовинизм, – возмутилась Татьяна. – Глаза как глаза.

– Не скажи. – Наташка старательно пыталась задавить в себе чувство зависти и желание уравнивать позиции: то есть вернуть подругу в состояние женского одиночества. – Шовинизм тут ни при чем. При таких глазках у него запросто может оказаться какая-нибудь общежитская прописка.

– Ну и что?

– Да ничего, – Ведеркина стушевалась, – сама смотри.

Роман был красивым и быстро перешел в предсвадебную суету, так как Таня неожиданно оказалась беременной.

– Ветром надуло, – цинично прервала Ведеркина ее сетования по поводу внезапной беременности. – И откуда что берется? Тебя предохраняться не учили?

Предохраняться ее, конечно, учили, но до того ли, когда страсть налетает как торнадо, и воспоминания о контрацептивах всплывают уже постфактум.

– Хочешь, я твоего Вову морально подготовлю? – мужественно предложила Наташка, у которой своей личной

жизни не было, поэтому хотелось хотя бы поучаствовать в устройстве чужой.

– Я сама, – твердо сказала Татьяна. Она долго придумывала, как сказать, что сказать, и где лучше разговаривать, и какой момент выбрать, и как одеться... Володя как раз уехал с другом на рыбалку и должен был вернуться через неделю. Ни через неделю, ни через восемь, ни через девять дней он не позвонил.

– Давай съездим к нему, – наседала Ведеркина, спокойно существовавшая вне этой трагической ситуации, а потому мыслившая объективно и рассудительно.

– Нет, он должен сам.

– А если он того?.. – Наталья имела в виду, что красавчик Вова уже давно мог вернуться с рыбалки и найти себе какую-нибудь другую подружку.

– Чего – того?

– Ну... как бы... это...

– Ты на что намекаешь?! – Таня смутно догадывалась на что. Историй с беременными дурами было предостаточно. Только у них во дворе две одинокие малолетние мамыши катали в раздолбанных колясках результаты неземной любви.

Тут Ведеркина вовремя сообразила, что нервировать беременную подружку своими чудовищными предположениями нельзя, поэтому решила утешить всполошившуюся Татьяну наиболее нейтральным, на ее взгляд, вариантом:

– Может, он на своей рыбалке утонул.

В результате Татьяна так себя накрутила, что, едва только Вова объявился, вместо запланированного выяснения отношений она разрыдалась и тут же, безо всяких предисловий, сообщила о своем интересном положении. К ее огромному облегчению, будущий отец обрадовался и сам, не дожидаясь подсказок, предложил срочно расписаться. Поставленные перед фактом родители, как с одной, так и с другой стороны, были не в восторге, но ничего уже нельзя было изменить. Именно на свадьбе подруги Наталья познакомилась со свидетелем, получившим гордое звание первой любви. Колька-ябеда был не в счет.

Лучший друг красавца Вовы оказался сублильным, низкорослым и жизнерадостным. Габариты свидетельницы потрясли его настолько, что Яша даже не смог скрыть своего восторга. Он тарачился на Ведеркину, восхищенно приоткрыв рот и мечтательно закатывая глаза.

Собственно, свадьба стала последним праздником в Татьяниной жизни.

Вова с Яшей занялись бизнесом, но то ли у обоих не хватило ума организовать все по-человечески, то ли в дело вмешались еще какие-то факторы, но за пару недель до предполагаемых родов оба парня исчезли, оставив подруг в растерянности и недоумении. Причем если у Натальи в букете эмоций преобладала злость, то у доживавшей срок Тани через край переливалось горькое отчаяние. Потом появи-

лись кредиторы, неосмотрительно поддержавшие начинающих бизнесменов. К счастью, деньги брал Яша, поэтому от девушек быстро отстали.

– Во попали, – растерянно повторяла Ведеркина. – Чтоб им провалиться обоим. Мы ж с Яшкой чуть не поженились.

– Они и провалились, – горестно вторила ей Татьяна, в ужасе разглядывая огромный живот.

Когда Карине исполнилось три годика, а Татьяна уже успела свыкнуться с двойственным положением, при котором даже оформление документов в собесе превращалось в кошмар, так как юридически муж у нее был, а фактически – сплыл, вдруг вернулся Вова.

Родители уехали с внучкой на дачу, а Татьяна затеяла генеральную уборку, пользуясь отсутствием непоседливой малышки. Звонок в дверь застал ее врасплох, когда уборка плавно докатилась до разбора завалов на балконе.

За несколько секунд, пока шла открывать, Таня успела перебрать массу вариантов: что-то с Каришей, телеграмма, вору, Ведеркина с очередной трагедией... На пороге стоял муж. То ли бывший, то ли просто беглый и раскаявшийся.

Первый год Татьяна еще ждала его, надеялась и придумывала оправдания, потом было больно, а позже прошла и боль. Выглядел супруг неожиданно хорошо: приличный костюм, легкий запах туалетной воды, свежая укладка. То ли он всегда так пижонил, то ли специально прифрантился для встре-

чи. Так или иначе, это не имело значения, так как Таня стояла перед ним в старых папиных тренировочных, подвязанных поясом от маминого халата.

«Нарочно не придумаешь! – Татьяна чуть не плакала от злости и досады. – Выходной наряд бомжихи с соседней по-мойки. Даже если Вова и сомневался в правильности своего выбора, то сейчас он наверняка лишний раз убедился – прав. Сто раз прав!»

Нет, совсем не так представляла она себе эту встречу. Вернее, как и любая брошенная жена, она мечтала приподняться и как-нибудь красиво отомстить. В моральном плане, конечно.

– Что пришел? – равнодушно обронила Таня, зачем-то старательно протирая грязной тряпкой косяк. Словно демонстрировала: я страшно занята, так не терять же время, хоть помою тут...

– По делу. – Володя протиснулся в квартиру, брезгливо втянув живот и приподняв плечи, словно в дверях была не мать его ребенка, а навозная куча.

Как же ей хотелось от всей души шлепнуть вонючей тряпкой по его гордой спине, обтянутой тонким пиджаком!

– Ты не вовремя, – выдавила она опять нарочито равнодушно, но уже сдерживаясь из последних сил.

– Мне так удобнее.

Да, точно. Он всегда делал именно так, как ему удобнее. И ее с ребенком он тоже бросил, потому что так было удобнее.

– У тебя кто-то есть? – Он разговаривал по-деловому, словно приценивался к лошади на базаре. В этом вопросе не было ни ревности, ни хотя бы элементарного интереса.

– Я одна, все на даче.

– Ты прекрасно поняла, о чем я. – Вова даже не разозлился, просто констатировал факт.

– Тебе-то что?

– Просто спросил. У меня к тебе дело. Взаимовыгодное предложение, так сказать.

– Ты исчез прямо перед родами и теперь пришел ко мне через три года, чтобы сделать взаимовыгодное предложение? – Татьяна все-таки не выдержала, скатилась на разборки, а так хотелось сохранить лицо до конца. Да, не в вечернем платье, зато гордая и независимая.

«Неужели зависимая? – ужаснулась она. – От кого? От этого прыща в костюме? Почему?»

– Давай забудем все, что между нами было. – Он так и не рискнул сесть на табурет. Конечно, в кухне был такой бедлам, что его светлые брючки могли испачкаться.

«Дать бы ему сейчас по морде сковородой с остатками вчерашнего жира!» Татьяна довольно улыбнулась, представив, как маслянистые капли медленно стекают по светлой ткани, оставляя темный след. И даже шкварки, прилипшие к лоснящейся физиономии, представила.

– Я думаю, что ты хочешь получить развод, – уже менее уверенно продолжал Вова, слегка деморализованный ее

непонятной улыбкой. – Я готов тебе его дать.

Она потом долго жалела, что все-таки не воспользовалась сковородой или, на худой конец, тряпкой. Развод был, была масса унижительных процедур, тягостной беготни за какими-то бумажками и Натальины упреки в неправильном поведении.

– Подай на алименты, бестолочь! Хоть какие-то копейки!

– Вот именно – копейки! – Это не Ведеркина, а она стояла перед самым подлым в мире человеком в папиных линиях штанах и старой рубаше, поэтому хотелось хоть в чем-то быть на высоте. – Мне его деньги не нужны! Я сама в состоянии прокормить своего ребенка!

Сколько раз потом она жалела, что отказалась от денег. Таня почему-то думала, что морально унизит бывшего мужа своим нежеланием брать его «грязные» рубли. Но разве может упасть червяк, ползущий по дну выгребной ямы. Не может – некуда. Так и Вову ударить этим широким жестом не получилось. Он лишь довольно потер руки и навсегда исчез из Татьяниной жизни.

Глава 3

Казалось, что все это было не с ней. Знакомство с Вовой повлияло на Татьянину судьбу, точно лобовое столкновение с «БелАЗом». Наивное девичество необратимо сменилось одиноким материнством. Конечно, в ее жизни появлялись мужчины, но они были сродни белым кораблям на далекой линии горизонта: бульк – и только воспоминание повисает сизым дымком. К тридцати годам у Татьяны накопилась внушительная туча этих дымков, грозящая обрушиться на нее ливнем и утопить в депрессии.

Ведеркиной везло примерно так же. Только Татьяна замкнулась в комплексах, а Наталья упорно продолжала поиск своей половинки. Последним изыском подруги было довольно рискованное предприятие – поиск мужчины по газетным объявлениям.

– Я в этом не участвую, – категорически заявила Татьяна. – И тебе не советую.

– Да? А что ты мне советуешь? – ныла Ведеркина. – Остаться старой девой?

– Если память мне не изменяет, ты уже не дева.

– Изменяет тебе твоя память. Это возраст, милочка, – брюзжала Наталья. – Девушка становится женщиной, родив ребенка. Вот у тебя Каринка есть, а я что?

Все-таки прав Эйнштейн: все относительно. Тринадцать

лет назад наличие ребенка казалось Татьяне трагедией, она была убеждена, что найти мужа, имея на руках наследника, задача невыполнимая. Наталья деликатно помалкивала. Ей тоже было ясно, что ребенок запросто может оказаться по-мехой личному счастью. С годами все поменялось, и ситуация рассматривалась с точки зрения «черт с ними, с мужиками, хотя бы ребенок есть». В результате шансы сравнялись и стали одинаковыми, вернее, шансов почти не было: ни та, ни другая своего единственного так и не нашли. И не в ребенке было дело. Мужчин в природе по-прежнему было много, как и денег. Только и деньги, и мужчины были чужими.

– Так и умру одинокой и забытой! На старости лет ни внучков понянчить, ни с дедом каким-нибудь на лопатах подраться, – давила на жалость Ведеркина.

– Не хнычь. Мы будем сажать у тебя на могилке цветочки.

– Не дождетесь. Я сама кому угодно фиалок понавтыкаю.

Так что? Давай попробуем?

– Через газету? Ни за что!

– Ну, как тебе не стыдно! Я же боюсь одна! Вдруг на маньяка наткнушь. – Ведеркина шуршала заранее приготовленной газетой и зудела, как разбуженная осенняя муха. Таня была уверена, что Наташка уже успела разметить нужные объявления цветными фломастерами по степени интересности и перспективности.

– И что? Ты хочешь умирать от руки маньяка в моей компании? Или ты, может быть, думаешь, что я, как пионер-ге-

рой, буду его отвлекать, пока ты смоешься?

– Я тебя не брошу! – Наталья преданно заглядывала в глаза подруге.

– Ты ерунду какую-то мелешь. Не будем же мы ходить на свидания вдвоем.

– Почему нет, ты со стороны посмотришь...

– Ага. В кустах посижу. Как Штирлиц – с парашютом и звездой на буденовке. Неужели нельзя придумать менее экстраемальный способ знакомства? – Татьяна злилась, так как знала – Ведеркину проще убить, чем переубедить.

– Злая ты.

– Я трезво смотрю на жизнь.

– А мне, Танька, от этой жизни так напиться хочется, чтобы не смотреть на нее трезво! Это ж не жизнь, а сплошное ожидание...

– Ожидание чего?

– Поезда. Который тебя переедет, если вовремя не отскочишь.

– Тоже мне – Анна Каренина! – фыркнула Татьяна. – А не надо лезть под поезд и читать дурацкие объявления.

– Почему дурацкие? Откуда ты знаешь, если сама не читала? Или читала?

– А ты в КГБ не работала? Не надо меня подлавливать на противоречиях! Не читала. И так все ясно: молчел без впс во и жп ищет доверчивую дуру.

– Почему дуру? – взвизгнула Ведеркина. – А где, где мне

знакомиться? На улицах приставать? Или своей кормой в метро зажимать, чтоб насмерть, чтоб ни один не вырвался? Тут хотя бы все честно и ясно: хочу жениться! А то, может, они все мимо меня ходят, только табличка-то ни на ком не висит: занято – не занято.

– Такие таблички на туалетах обычно висят, – машинально прокомментировала Таня. – Извини. Но я действительно против. Мне эта идея не нравится. Я бы побоялась.

– А я не боюсь! – отчаянно труся, вздохнула Наталья.

Глава 4

Недомытая посуда томилась в раковине, топорщась грязными боками тарелок. Но о том, чтобы совместить психотерапевтический сеанс выслушивания Ведеркиной с хозяйственной деятельностью, не могло быть и речи. Если Наталья заподозрит, что подруга отвлеклась, то непременно припрется, чтобы делиться впечатлениями, глядя в глаза, а потом останется ночевать. И тогда вместо ночного сна Татьяне придется снова и снова выслушивать подробности и консультировать.

Наталья любила советоваться, но никогда чужим советам не следовала.

– Какого черта ты меня спрашиваешь, если поступаешь всегда наоборот! – вспыхнула однажды Татьяна, когда понурая подруга в очередной раз пришла к ней плакаться. За неделю до этого Ведеркина представила ей молодящегося хлыща с сальными редкими волосами и слащавой улыбкой.

– Аникеева, все! – восхищенно шептала Наташка, плюя в ухо и весьма чувствительно тыча Таню в бок. – Я женюсь! Он потрясный! Это не мужик, а ходячая мечта.

«Ходячая мечта» Татьяне категорически не понравился, о чем она и высказалась в грубой форме после смотрин. Ведеркина ее доводам не вняла и пустила «жениха» пожить.

Через неделю она прибежала советоваться, заявлять ли в милицию о том, что ее обнесли.

– Над тобой все отделение будет ржать, – убежденно сообщила Татьяна.

– Злая ты. У меня горе!

– А я тебя предупреждала. За каким фигом спрашивать мое мнение, если ты никогда ко мне не прислушиваешься?

– Любой вопрос должен решаться дискуSSIONно, – убежденно моргнула Наталья. – Должно быть альтернативное мнение, чтобы стало ясно, кто прав.

– Так у тебя, как я посмотрю, права всегда ты! – в сердцах махнула рукой Таня, но в отделение с Ведеркиной пошла. Для моральной поддержки. Там Наташка, невзирая на яростные тычки в спину, нагло пыталась флиртовать с молодым участковым, принимавшим заявление. Участковый довольно улыбался и разглядывал Татьянин бюст – на ведеркинские подмигивания он не отреагировал.

В тот раз Наталья осталась ночевать, мотивируя свое пребывание в квартире тем, что у нее дома холодно, одиноко и из собеседников – только телевизор.

– Я тебя ночью греть не буду, – на всякий случай предупредила Татьяна, но Ведеркина замахала руками и пообещала не приставать и не стеснять, она даже купила по дороге отвратительный тортик с ядреными кремовыми розочками, сомнительно пахшими парфюмерией, и проверила у Карины уроки.

Ночью Татьяне поспать не удалось. До самого утра Наташка бубнила про вероломство и предательство человека, которого она запустила в свое сердце, душу и тело, а с рассветом перешла на фантазии об участковом, с которым еще не раз придется встретиться, так как, несмотря на все его намеки, заявление Ведеркина так и не забрала. Итогом бессонной ночи стали темные мешки под глазами и тупая боль в висках.

На сей раз Татьяна ни в коем случае не могла допустить столь печальных последствий, так как завтра надо было выглядеть «на все сто». Или даже на двести.

– Ну, давай, рассказывай. – Она мужественно отвернулась от мойки, судорожно соображая, чем бы все-таки заняться в ближайший час – а Ведеркина меньше чем в час со своей новой историей любви не уложится. Занятие должно было быть полезным, но бесшумным, иначе любимая подруга все же припрется на аудиенцию.

– Аникеева, ты сейчас упадешь! Сядь.

– Сижу-сижу. – Татьяна решила заняться ногтями. Конечно, это занятие на час не растянуть, но хоть что-то...

– У Егора свой бизнес.

– Егор – это твой ковбой по переписке?

– Мы не переписывались. Это каменный век. Мы перезванивались.

Представив Ведеркину на месте центральной кобылы в тройке, над которой звякают колокольчики, Таня фыркнула:

– Перезванивались?

– Не цепляйся к словам. Ну, я первая позвонила. И что такого? Сейчас век эмансипации и феминизма!

– Я в курсе. Газеты читаю, телевизор смотрю. Надеюсь, Егор мужчина?

– А теперь гоготни дебильным смехом, – окрысилась Наташка. – Я в ауте от твоего чувства юмора!

– Ну, извини. Просто ты с таким пафосом завела про эмансипацию и феминизм. Я уж, грешным делом, подумала, что ты меня морально готовишь к сообщению о смене ориентации.

– Ты завидуешь, – резюмировала Ведеркина.

– Да я даже порадоваться за тебя не могу, не то что позавидовать! Ты ж еще ничего не рассказала. Кроме того, я твоего мужчинку еще не видела.

Наталья угрожающе засопела, и Таня торопливо добавила:

– Ну, так какой бизнес?

– Одежда, – моментально оттаяла Ведеркина. – Он куртки продает. Такие качественные, на гагачьем пуху...

– Агитируешь? – Что-то подсказывало Татьяне, что кавалер либо уже впарил наивной и любвеобильной Наташке синтепоновое чудо на рыбьем меху, либо собирается сделать из дамы сердца менеджера по продажам.

– У него и так отбоя от клиентов нет, – гордо объявила Наталья и тут же предвосхитила едкую шпильку в свой адрес: –

Да, сам сказал. Но у меня есть все основания ему верить.

Татьяна вздохнула: у Ведеркиной всегда имелись все основания доверять очередному кавалеру, и потом сама же Наталья с завидной регулярностью изумлялась, откуда эти основания брались.

– И не надо дышать мне в ухо, – Наталья еще раз сурово всхрипнула, – ты не представляешь, какой он.

Таня опасливо вклинилась в театральную паузу:

– Какой?

– Умный, добрый, красивый... Вернее, не красивый, а интересный. Такой, знаешь... гардемарин!

– Кто? – ахнула Татьяна, представив Харатьяна, по недоразумению связавшегося с продажей курток и нарвавшего на Ведеркину.

– У него, знаешь, нос, брови и все такое...

– Нос – это хорошо, – машинально прокомментировала Таня. – Мужик без носа, как конь без хвоста.

– Остришь?

– Удивляюсь. При чем тут нос?

– Это я удивляюсь твоей недалекости. Ты книжки читаешь?

– Изредка. По большим праздникам.

– Смешно. Так вот размер носа у мужчин прямо пропорционален его потенции, – победоносно выдала Ведеркина.

– В смысле? Чем больше нос, тем меньше...? Да?

– Наоборот. Чем меньше нос, тем больше... тьфу! Ты спе-

циально меня путаешь. У него такой носище! А брови!

Представив себе Буратино с бровями Брежнева, Татьяна приуныла: у Ведеркиной явно грядет очередная трагедия.

– ...Ходили в ресторан, потом он меня провожал, поцеловал руку и взял телефон! – заливалась подруга. – А как он руки целует! Это ж мечта...

Наталья щебетала, как трясогузка в период спаривания. Она подробнейшим образом описала своего нового мужчину, начиная от цвета и степени волнистости волос до состояния костюма и наутюженности стрелок. Судя по произведенному на Ведеркину впечатлению, мужчина был шикарный, а такие долго на одном месте не задерживались. Во всяком случае – у Ведеркиной.

– Он так галантно ухаживает. И вообще, даже когда я позвонила в первый раз и мне было до одури стыдно (ну, сама понимаешь – все-таки инициативу проявлять морально труднее, чем отвечать взаимностью), он ни на секунду не дал мне почувствовать себя неловко. Так разговаривал, как будто это он звонит, а не я и как будто я делаю ему одолжение, что соглашаюсь общаться. А еще он не старый, а мой ровесник! Вот повезло-то!

Ведеркину было откровенно жалко. Таня чувствовала себя ясновидящей, к которой приковывал умирающий в надежде услышать позитивный прогноз.

– Вот мы сейчас треплемся, а вдруг он тебе как раз в этот момент звонит? – вкрадчиво предположила она. Ногти

уже были допилены. Пора было заняться посудой и обдумать собственные проблемы. Наталья со своей жаждой замужества и нереализованным материнским инстинктом была безнадежна. Сколько бы Таня ни убеждала подругу, что судьба мимо не пройдет и не надо бросаться на каждого, кто хотя бы покосился в ее сторону, Наташка была твердо убеждена в обратном: судьба обязательно протащит принца мимо под покровом тьмы, лишь бы подсунуть его кому угодно – только не ей.

– Думаешь, может позвонить? – с сомнением переспросила Наталья.

– А как вы расстались? В смысле – на чем? Он обещал звонить или ты?

– Ой, сейчас расскажу, – пискнула Ведеркина, зайдясь в томительном вздохе, из чего Таня немедленно сделала вывод, что избранная тактика оказалась ошибочной. Сейчас подруга начнет пересказывать сцену прощания с ужасающим обилием подробностей и сдабривать повествование собственными выводами и комментариями.

Так оно и произошло. Внешность Егора, а также его внутренний мир и мысли (даже те, которых у него и в помине не было) были подробнейшим образом изучены и проанализированы. Как выяснилось, прощалась парочка долго, так как Егор никак не мог расстаться со своей новой подругой, но от приглашения «на чашечку кофе» вежливо отказался. Таня подозревала, что это не Егор не мог решиться, а разго-

ворчивая Ведеркина тарактела, не затыкаясь, поэтому воспитанный кавалер вынужден был слушать Натальины монологи. Скорее всего, Наташка для верности придерживала его за локоть.

– Он так смотрел, так смотрел! Знаешь, у него в глазах было что-то такое – словами не передать. То есть сразу видно, что он от меня без ума. Кстати, оказывается, Егору нравятся именно полные женщины. Даже не просто полные, а очень полные. Он сказал, что хорошего человека должно быть много.

– Это банальная отговорка, – попыталась вразумить Ведеркину Татьяна.

– Зато мне приятно! Ясно тебе? Я даже не мечтала встретить мужчину, который скажет, что диета мне не нужна! Он вообще в ресторане заказал кучу десертов и назвал меня пышкой!

– Раньше ты на такие клички обижалась.

– Это не кличка! Он сказал: «Мне так нравится тебя подкармливать, моя пышка!» А какой у него был тон! А голос! Ну почему он отказался подняться ко мне?

У Татьяны была масса предположений на этот счет, но любое из них Наталья посчитала бы оскорбительным, поэтому подруга ограничилась невразумительным мычанием, обозначавшим отсутствие четкой позиции в обсуждаемой теме.

– А я знаю, – тут же порадовала себя Ведеркина. – Это

воспитание. И врожденный такт. Я нарвалась на настоящего джентльмена.

По мнению Тани, нарваться можно было на бешеную собаку, гвоздь в стуле или неприятности на работе. Нарваться на джентльмена было категорически нельзя, так как они гуляют где-то на берегах Темзы с тросточками и выражением интеллектуального превосходства на холеных физиономиях. Образ Ведеркиной был совершенно несовместим с туманным Альбионом и скучными джентльменами в котелках.

– Ты особо-то не рассчитывай, мужики – люди ненадежные. – Татьяна тут же поняла, что зря наступила на большую мозоль, и прикусила язык. Но было поздно.

– Ты – старая калоша, – рявкнула спущенная с небес на землю Ведеркина. – В то время когда все сознательные женщины борются за личное счастье, ты сидишь как памятник и даже не пытаешься что-то изменить в своей жизни! Ты мне всю малину портишь своим нытьем! Можно подумать, что тридцать один год – это последний рубеж, за которым маячит маразм и тихий погост, поэтому думать надо только о здоровье и накоплении пенсионного вклада. Я хочу свадьбу, ребенка, мужа, семью, даже какую-нибудь мерзкую скандальную свекруху я тоже хочу. Пусть в моей спокойной жизни будет адреналин! Я в поиске, а ты – в пролете. Стыдно ей по газете знакомиться! Фу-ты ну-ты, королева. Кто не ищет, тот не найдет.

– А кто найдет – тот нарвется, – парировала Татьяна, уязв-

ленная Натальиным выступлением. Как раз сейчас у нее, не искавшей, но надеявшейся, назревало что-то такое, о чем было страшно даже мечтать, не то что делиться с кем-то.

– Скучная ты, нет в тебе искры, – вздохнула Наташка.

Татьяна и сама знала, что она скучная. Только не совсем скучная, скорее – рассудительная. И эта рассудительность мешала ей жить в полную силу. Она, как аквалангист с ограниченным запасом кислорода, старалась дышать чуть-чуть, словно сэкономила эмоции. Оправдать себя можно было только одним: у меня ребенок, следовательно, уровень ответственности за поступки и их последствия должен быть выше. А на самом деле не было ни поступков, ни последствий. Только страх опять поверить и обмануться. Она и не верила, стараясь каждому показывать свое превосходство. Вот такая, мол, я, беру, пользуюсь и выбрасываю. Никто никому ничего не должен, никто ни от кого не зависит. Но по ночам до слез хотелось зависеть. Амплуа железной леди надоело ей до чертиков, только приходилось держать марку: перед подчиненными, перед начальством, перед самой собой. Никто и никогда не посмеет больше так нагло и беспардонно использовать ее, словно туалетную бумажку, и спустить в канализацию жизненных передряг. Счастливого плавания!

– ...Хочешь, я попрошу его привести друга для тебя? Это же не по газете и не на улице, – дошел до Татьяниного сознания голос Ведеркиной. Преданная Наташка никак не могла успокоиться: если ей было хорошо, то следовало осчастли-

вить всех окружающих.

– Нет, Натуль, не надо, – примирительно сказала Татьяна. – У меня ребенок, мне некогда...

– Вот в этом ты вся! Да твой «ребенок» скоро в подоле принесет! Типун мне на язык. Но я больше чем уверена, что у твоей Каришки кто-то уже есть.

– Спятила, что ли? – возмутилась Татьяна, моментально забыв про все переживания. Обрывки и зачатки мыслей о собственном счастье сдуло как шелуху порывом ветра. – Ей всего тринадцать!

– Ты отстала от жизни, мамаша! Не всего тринадцать, а уже тринадцать. В ее возрасте некоторые уже рожают.

– Что ты мелешь! – Теперь Татьяна уже совершенно явно обиделась. Дочь была для нее всем, и пошлые намеки в ее адрес воспринимались Таней как личное оскорбление.

– Я открываю тебе глаза на положение вещей. Вот куда она у тебя умотала на ночь глядя?

– К подруге.

Наталья цинично захохотала в ответ:

– Ты бы проверяла на всякий случай. Я ж тоже переживаю, она моя крестница как-никак.

– Я своей дочери доверяю и унижать ее проверками не буду. Ну, ладно, у меня дел куча. Если будут новости про твоего нового – звони.

– Чего заторопилась? – хмыкнула Ведеркина. – Вот скрытная ты. Нет бы сказать: «Спасибо, дорогая подруженька, за

подсказку. Позвоню-ка, проверю-ка, а вдруг и правда ребенок загулял». Ты, наверное, в прошлой жизни ослом была, упрямство так и прет из всех дыр. Вот поэтому мужики от тебя и шарахаются. Будь проще, ближе и доступнее, как я.

– Доступные – на Тверской, – отрезала Татьяна. Ей действительно не терпелось перезвонить дочкиной однокласснице, чтобы убедиться, что Ведеркина, как всегда, не права.

– Спасибо на добром слове. Если я права, можешь перезвонить мне завтра на работу поплакаться. Я пожалею, я ж добрая, – закруглила беседу Наташка. – А сегодня не звони, вдруг Егор из-за тебя не дозвонится.

Глава 5

– Здравсьте, тетя Тань, – зачастила Лена. – А Каринка в туалете. Я ей скажу, она вам перезвонит.

Татьяна в сердцах швырнула трубку. Ну, надо же – обманула. Теперь хотя бы стало ясно, что ее насторожило: дочь шуршала курткой. А зачем ей куртка, если Лена живет в том же подъезде, только на пять этажей выше?

С трудом удержавшись от сиюминутного порыва пойти и раскрыть обман, она печально кивнула своему отражению в зеркале. Миловидная брюнетка с мелкими чертами лица и пышной шапкой недлинных волос, уложенных в подобие каре. Грудь – еще пока ничего, талия – уже почти нет, бедра – эх, кому апельсинчиков, ноги – м-да...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.